

ЯКОВ ПАРФЕНЬЕВИЧ ШИШМАРЁВ

Об этом человеке писали незаслуженно мало. Его имя упоминается в дневниках путешественников по Монголии, которые могли лично встречаться с ним, переписывались, пользовались его поддержкой. П. К. Козлов, известный русский путешественник конца XIX — начала XX в., впервые привел некоторые биографические сведения и дал оценку его деятельности в Монголии. С большим почтением отзывались о нем участники Московской торговой экспедиции 1910 г. Краткие сведения о Шишмареве есть в трудах многих российских монголоведов, но чаще всего его фамилия встречается в монографии Е. М. Даревской, которая высоко оценила его как дипломата и показала его роль в создании противочумных станций в Монголии, обеспечении элементарной медицинской помощи как сотрудникам консульства, так и населению страны, его заслуги в создании школы переводчиков, в изучении Монголии 2. Она переписывалась с детьми Шишмарева и некоторые сведения об отце, семье Якова Парфеньевича любезно предоставила автору этой статьи. [8]

Тем не менее можно сказать, что о Шишмареве почти забыли. А между тем Яков Парфеньевич Шишмарев около 50 лет был русским консулом в Монголии, верой и правдой служил Отечеству. Вероятно, это единственный случай в дипломатической практике, когда один человек в одной и той же стране почти 50 лет состоял в должности консула.

Родился Я. П. Шишмарев 14 сентября 1833 г. в г. Троицкосавске Забайкальской области. По сведениям родственников, его дед — чистокровный монгол, переселился в Забайкалье, где и женился на русской казачке. У отца, П. Я. Шишмарева, родилось 24 ребенка, но выжило только 13. Парфений Яковлевич хорошо знал монгольский язык, служил переводчиком при кяхтинском пограничном комиссаре, неоднократно бывал в Урге, сопровождая русских послов и курьеров, был там хорошо известен, что сыграло свою роль при отправлении состава первого русского консульства в Монголию.

Первоначальное образование Яков Шишмарев получил в своем родном городе, окончив русско-монгольскую войсковую школу в 1849 г. Шестнадцати лет от роду он поступил на службу и до 1855 г. служил в различных местах, включая и канцелярию кяхтинского градоначальника, должность которого была учреждена в 1851 г. Кроме того, ему приходилось подрабатывать в одном из торговых домов Кяхты, чтобы помогать отцу содержать большое семейство. Одновременно со службой Яков продолжал изучение восточных языков, тем более что в Кяхте для этого были условия. В частности, в городе существовала русско-китайская школа, заведовал которой и одновременно преподавал в ней маньчжурский и китайский языки К. Г. Крымский, командированный в Кяхту — центр русско-китайской торговли, Министерством иностранных дел. Он и стал учителем Шишмарева, которого предполагали назначить в число светских членов Пекинской духовной миссии. Однако судьба распорядилась по-другому.

Русско-китайское разграничение. На Я. П. Шишмарева обратил внимание генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н. Н. Муравьев, одержимый идеей укрепления дальневосточных рубежей и возвращения России Амура, отошедшего по Нерчинскому договору 1689 г. к Китаю. Ему удалось убедить правительство в необходимости решения этих вопросов, и в начале 1854 г. он получил разрешение на осуществление мер по усилению охраны русско-китайской границы и был уполномочен вести переговоры с китайской стороной о разграничении восточной части границы с Китаем. Для [9] осуществления поставленных задач Муравьеву нужны были талантливые, энергичные,

преданные делу люди. Он умел их подбирать. Одним из них и стал 22-летний Я. П. Шишмарев.

В апреле 1855 г. начинается первый в серии широко известных сплавов Н. Н. Муравьева по Амуру, в котором переводчиком вместе со своим учителем К. Г. Крымским принимает участие и Шишмарев. Вернувшись с Амура в Иркутск, в следующем 1856 г. Яков Шишмарев получает место переводчика с китайского и маньчжурского языков при генерал-губернаторе Восточной Сибири З. В этом же году он вновь отправляется на Амур, чтобы сопровождать новый сплав до китайского города Айгунь (современный Хэйхэ). В 1858 г. он сопровождает генерал-губернатора как во время его поездки на Амур, так и на переговорах с китайской делегацией о границе.

Первое свидание делегаций состоялось 10 мая 1858 г. В результате встречи выяснилось, что, с одной стороны, китайское правительство заинтересовано в сохранении мирных отношений с Россией, но, с другой — будет придерживаться своей традиционной политики, а посему переговоры обещали быть долгими и тяжелыми. Китайские дипломаты использовали весь арсенал своей дипломатии, стремясь убедить русскую делегацию в превосходстве Китая над другими странами, в его немеркнущей славе. В то же время был совершенно очевиден страх перед возможным, с их точки зрения, союзом России и Англии в Китае, переживавшем тяжелый период второй «опиумной» войны. Поэтому и русская делегация вынуждена была прибегать к разного рода хитростям, как, например, «болезнь» Муравьева или разговор в не терпящих возражений тонах, что, в конце концов, позволило 16 мая 1858 г. подписать русско-китайский договор, получивший название Айгуньского. Этот договор вернул России левый берег реки Амур, а Уссурийский край был оставлен в совместном пользовании до последующего разграничения.

Переговоры в Айгуни стали для Я. П. Шишмарева прекрасной школой, а его усердие, профессионализм, убежденность в правоте своего дела убедили Муравьева в правильности сделанного в 1855 г. выбора. В письме на имя министра иностранных дел России А. М. Горчакова от 18 мая 1858 г. Муравьев просил ходатайствовать перед императором о представлении Шишмарева к награждению орденом святого Владимира 4-й степени, о назначении ему пожизненной пенсии в 500 руб. серебром в год, о зачислении его в МИД и разрешении носить мундир этого ведомства, т. к. «на нем лежал исключительно весь труд перевода и сношений с китайскими властями, не знающими другого, кроме своего, языка» 4. В другом [10] письме — на имя директора Азиатского департамента Е. П. Ковалевского - Муравьев высказывает пожелание присвоения Шишмареву дворянского звания 5. Судя по этому письму, в конце 1858 или начале 1859 г. Я. П. Шишмарев побывал в Пекине, где твердо отстаивал интересы России, что не понравилось маньчжурским чиновникам, и они жаловались по этому поводу в МИД 6.

Не менее богатым на события стал для Шишмарева и 1859 г. В этом году в Китай была направлена миссия Н. П. Игнатьева, которая и должна была решить вопрос окончательного разграничения на Дальнем Востоке, а именно — в Уссурийском крае. В России же была создана пограничная комиссия во главе с подполковником К. Будогосским, которой предстояло пройти от верховьев реки Уссури до моря, что должно было привести, по мнению Н. Н. Муравьева, к «важным и окончательным результатам по предмету разграничения нашего с Китаем». Переводчиком при Будогосском был назначен Я. П. Шишмарев. Экспедиция прошла тяжелейший путь, составила карты, и после встречи в бухте Посьета с Н. Н. Муравьевым К. Будогосский и Я. Шишмарев были направлены со всеми материалами в Пекин к Н. П. Игнатьеву. Июль-август 1859 г. они провели в столице Китая, пытаясь вместе с посланником заставить китайских уполномоченных на

переговорах с русскими рассмотреть наш проект границы с Китаем в Уссурийском крае 7. Однако усилия их были напрасны, т. к. китайская армия в июне 1859 г. одержала нечаянную победу над объединенными силами Англии и Франции при Дагу, и, окрыленные этой победой, маньчжурские чиновники стали настолько несговорчивыми, что не только не хотели говорить о границе в Уссурийском крае, но и отказывались признать Айгуньский договор. Поэтому в сентябре 1859 г. К. Будогосский и Я. Шишмарев через Монголию вернулись в Иркутск. А Н. П. Игнатьев, видя безрезультатность своего пребывания в Пекине и давая понять китайскому правительству, что терпение его не безгранично, в июне 1860 г. покинул Пекин, демонстрируя возможность разрыва в переговорах. В свою очередь, Н. Н. Муравьев, подыгрывая действиям Игнатьева, направляет Я. П. Шишмарева со специальным поручением к военному губернатору Амурской области и айгуньскому амбаню 8, знакомому ему еще с 1858 г. Это поручение носило довольно щекотливый характер, т. к. , с одной стороны, военному губернатору предписывалось предпринимать самые решительные меры, вплоть до применения артиллерии, в случае попыток маньчжурской стороны организовать на границе беспорядки, с другой — Шишмарев должен был убедить амбана, что все эти меры вызваны лишь [11] неуступчивостью китайской стороны в переговорах с Н. П. Игнатьевым. Кроме того, Шишмарев должен был предложить амбаню послать китайских чиновников в его сопровождении по пути, пройденному русской экспедицией в 1859 г. По мнению Муравьева, такой осмотр китайскими чиновниками предлагаемой границы должен был убедить их в бессмысленности упрямства и ускорить подписание еще одного русско-китайского договора 9. Деликатный характер этого поручения показывает, насколько доверял Николай Николаевич Муравьев Шишмареву, как был уверен, что он в точности выполнит все его поручения и достигнет желаемого результата.

В течение 1860 г. Я. П. Шишмарев еще раз побывал в Пекине, доставив Н. П. Игнатьеву личное письмо генерал-губернатора Восточной Сибири. Деятельность графа Н. П. Игнатьева в Пекине завершилась 2 ноября 1860 г. подписанием русско-китайского договора, получившего название Пекинского. Игнатьев, оценивая его значение для России, высоко оценил и роль Я. П. Шишмарева 10. За участие в решении Амурской проблемы Шишмарев был награжден темной бронзовой медалью на Андреевской ленте «В память войны 1853 — 1856 гг. », орденами Анны 3-й степени, Владимира 4-й степени и пожизненной пенсией по 500 руб. серебром в год 11.

Дипломатический талант Я. П. Шишмарева был еще раз востребован при решении сложной и болезненной проблемы в русско-китайских отношениях, а именно при передаче Илийского края Китаю в соответствии со статьями Санкт-Петербургского договора 1881 г. , поставившего точку в разграничении между Россией и Китаем в Средней Азии. Шишмарев был направлен в Кульджу уполномоченным комиссаром. Сложность его миссии состояла в том, что, по условиям договора, часть населения края, не желавшего оставаться под властью маньчжурского Китая, должна была перейти на русскую территорию. С этим поручением он также справился успешно.

Создание русского консульства в Урге. Учреждение первого русского консульства в Монголии было предусмотрено Пекинским договором. Большую роль в его создании сыграли сибиряки. Служивший в 1859 — 1861 гг. кяхтинским пограничным комиссаром В. Карпов, хорошо знакомый по долгу службы и с правителями Монголии, и с состоянием дел в этой стране, обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву с просьбой ходатайствовать о назначении его российским консулом в Монголии. Н. Н. Муравьев в письме на имя министра иностранных дел России [12] А. М. Горчакова высказался, во-первых, о необходимости скорейшего создания консульства, т. к. был уверен, что кяхтинские купцы, воспользовавшись статьями договора, сразу же

предпримут попытки отправления караванов с товарами в Монголию, и, во-вторых, рекомендовал на должность консула В. Карпова, известного ему «отличными способностями, образованностью и пользующегося особенным доверием и уважением на границе» 12.

Однако император Александр II назначил на эту должность в ранге консула VI класса начальника штаба его высочества 34-летнего капитана Константина Николаевича Боборыкина 13. Выходец из дворянской семьи, получивший военное образование, К. Н. Боборыкин принимал участие в Крымской войне, за что и был награжден орденом святого Владимира 4-й степени с мечами, святого Станислава 2-й степени с короною и мечами и рядом других наград. В 1857 г. он был назначен адъютантом к начальнику штаба его высочества, а 24 февраля 1861 г. — консулом в Монголии в чине подполковника 14. Безусловно, это был достойный представитель России, но не отличавшийся к этому времени крепким здоровьем и совершенно не знавший страны, где ему предстояло служить. Секретарем и переводчиком, с припиской «временно», по рекомендации Н. Н. Муравьева, был назначен губернский секретарь Яков Парфеньевич Шишмарев. Кроме них в состав консульства входил лекарский помощник И. Осипов, служивший в Иркутском военном госпитале. Членов консульства сопровождало 20 казаков во главе с сотником П. Рогалевым. Таким образом, набралось более 20 человек. [13]

В статье 5 Пекинского договора свита консула определялась в «несколько человек». Ургинские правители считали, что «несколько» — это не более десяти человек, которые одновременно могли пересечь границу. Поэтому кяхтинский пограничный комиссар А. И. Деспот-Зенович решил прибегнуть к хитрости, которая заключалась в поэтапной отправке первого русского консула и его свиты в Монголию. Первыми покинули Кяхту трое казаков с грузом для консульства при караване купца Парамонова. Затем в Ургу выехал состоявший переводчиком при Деспоте-Зеновиче отец Я. П. Шишмарева с пятью казаками. Шишмарева-отца пограничный комиссар командировал в Ургу на две — три недели с тем, чтобы он помог освоиться там и консулу, и секретарю, плохо представлявшим условия, в которых им придется жить и работать. П. Шишмарев был человеком опытным, хорошо знавшим ургинских правителей, правила общения с ними. Он должен был, по замыслу Деспота-Зеновича, составить в глазах чиновников «выгодное мнение о достоинстве консула, чтобы правители были расположены к нему и не противодействовали». А своего сына он должен был познакомить со всеми лицами, с которыми ему придется постоянно общаться, указать, кому именно можно доверять, кого остерегаться и вообще как действовать, чтобы дела консульства шли успешно. Ургинским правителям было сообщено, что П. Шишмарев послан с двумя служителями и тремя рабочими для подготовки помещения, отведенного русскому консулу, к приему его. Через некоторое время были отправлены еще несколько человек — П. Рогалев, И. Осипов и шесть казаков. Правители были уведомлены, что П. Рогалев командирован в Ургу как человек, знающий строительную часть, для ремонта подворья. И только после всех этих приготовлений 2 июня 1861 г. из Кяхты выехали консул К. Н. Боборыкин, секретарь Я. П. Шишмарев, два служащих при консульстве и оставшиеся шесть казаков 15.

Подворье, в котором предстояло жить русскому консулу в Урге, находилось в ужасающем состоянии: в доме не было окон, дверей, поэтому температура воздуха даже в летние месяцы не поднималась выше 11 — 14°, это вызывало у К. Н. Боборыкина сомнение, что можно будет пережить зиму. Бытовые неурядицы дополнялись сложностями в установлении первых контактов между русским консулом и ургинскими правителями. Опираясь на европейские нормы, К. Н. Боборыкин считал необходимым, полезным и удобным для обеих сторон личное знакомство, для чего предлагал незамедлительно обмениваться визитами. Но ургинские правители, мыслившие другими категориями,

согласились принять К. Н. Боборыкина не в [14] резиденции, а в присутственном месте, об ответном визите даже речи не шло. Поэтому русский консул, обещавший Александру II «поставить место консула в Урге на должную степень высоты», отказался от дальнейших попыток встретиться лично. В таких сложных условиях русское консульство приступило к исполнению своих обязанностей.

Создание консульства в Урге привело к перераспределению полномочий в отношениях с Китаем. До 1861 г. существовало как бы три уровня отношений: низший — кяхтинский пограничный комиссар — маймаченский дзургучей 16; средний — кяхтинский градоначальник-ургинские правители; высший — Правительствующий Сенат (МИД) — Пекинский трибунал внешних сношений. Теперь же Кяхта отходила на второй план, и все вопросы низшего и среднего уровня замыкались на ургинского посла, о чем можно судить по инструкции, данной К. Н. Боборыкину. В ведение консульства переходили все дела, относящиеся «до пользы обоих государств, а равно и до русских подданных, которые временно или постоянно будут жить в Урге». Устанавливался новый уровень отношений: МИД (Азиатский департамент) — генерал-губернатор Восточной Сибири — Урга — дипломатическая миссия в Пекине. Консульство должно оказывать содействие русским купцам и купеческим караванам в реализации статей русско-китайских договоров о торговле. Все спорные вопросы решаются также на основании договоров. Во всех не предусмотренных трактатами случаях — пользоваться консульским уставом и международным правом. Консульство внушает всем русским купцам избегать спорных случаев, чтобы в самом начале не «породить препятствий к развитию нашей сухопутной торговли в тамошнем крае» и т. д. Относительно же монголов рекомендовалось сохранять «самое дружественное обращение, стараясь вселять в них любовь к русским» 17.

В Урге русского консула и его свиту ожидали нелегкие дни. Монголия входила тогда в состав огромной Китайской империи, во главе которой стояла иноэтническая маньчжурская династия Цин. И все вопросы русско-монгольских отношений решались в Пекине, что привносило в их развитие самые неожиданные проблемы. Маньчжурские правители Монголии вели себя надменно, демонстрировали показную важность. Они вообще не хотели менять сложившуюся практику взаимоотношений с кяхтинским пограничным комиссаром и не признавали полномочия русского консула. Поэтому было принято решение занять выжидательную позицию. Пришлось вести борьбу и за то, чтобы все население Монголии было [15] ознакомлено с условиями Пекинского договора, отменившего запреты на проживание и торговлю русских в Монголии. Боборыкин на зиму уехал в Пекин, где прожил довольно долго, осенью 1862 г. он вернулся в Ургу, а весной 1863 г. покинул ее навсегда. В Урге он пробыл в общей сложности не более десяти месяцев. Поэтому можно считать, что уже в 1861 г. Я. П. Шишмарев самостоятельно руководил консульством, тем более что с этого года он официально был назначен управляющим консульством, возглавлять которое ему бессменно пришлось 50 лет. С 14 февраля 1864 г. Шишмарев стал исполнять обязанности консула, а 2 марта 1865 г. император утвердил Якова Парфеньевича в должности консула. В 1868 г. в письме на имя директора Азиатского департамента П. Н. Стремоухова генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Карсаков 18 поставил вопрос о звании Генерального консула для Я. П. Шишмарева, мотивируя это «исключительным положением консула нашего в Урге по кругу его действий, а также и исключительных условий самой страны, взгляд жителей на агента нашего правительства делают пост этот весьма важным и требуют, как в видах политического и необходимого влияния нашего в этом крае, так и пользы пограничным нашим делам и развития торговли, чтобы агент нашего правительства в Монголии был если не уравнен с ургинскими правителями, то подходил бы более под их степени, а следовательно, имел бы больше веса и значения как в глазах их, так и всего народонаселения этого края» 19. Однако статус Генерального консула Яков Парфеньевич

получил только в 1881 г. , когда по условиям Санкт-Петербургского договора между Россией и Китаем были учреждены консульства в Кобдо и Улясутае. А в 1861 г. именно на его плечи легла вся тяжесть работы по организации деятельности русского консульства в Урге. С течением времени Я. П. Шишмарев правильно понял и оценил поведение маньчжурских чиновников, а также и монгольских должностных лиц, придя к выводу о том, что «они смотрят со своей точки зрения, не удовлетворяющей европейца и идущей вразрез с нашими понятиями и взглядами» 20. Шишмарев не написал слово «китаеццентризм», но, по сути, имел в виду это явление. Европейские культурные нормы доминировали в российской дипломатии и зачастую переносились на отношения с маньчжурским Китаем, который жил в совершенно иной системе измерений. Понимание особенностей Китая и было, вероятно, главной причиной того, что Я. П. Шишмарев умел ладить с властями Монголии. Несмотря на проверки, жалобы, доносы, он сохранял собственное достоинство и не оскорблял достоинства других. [16]

Посланцам России пришлось столкнуться в Монголии с еще одной деликатной проблемой — ее положением в составе Китайской империи. Встречавшиеся на пути следования русских дипломатов монголы уже знали, что русский чиновник будет жить в Урге, многие даже называли его консулом, выражали свое радушие, вступали в откровенные разговоры и высказывали одно и то же: свою неприязнь к маньчжурскому владычеству и желание от него избавиться. В Урге монгольские ламы и чиновники, с которыми консула и его секретаря знакомил Шишмарев-отец, также придерживались подобного рода взглядов и высказывали оригинальные, по мнению русских, идеи: России надо возвести на престол Монголии нынешнего хутухту 21 и взять край под свое покровительство; России надо жить в согласии с монголами, покровительствовать им, «потому что ваш Государь, так же как и наши ханы, потомки великого Чингисхана» 22. Не имея никаких указаний относительно политического положения Монголии, посланцы русского императора старательно избегали разговоров на политические темы. Этого вопроса Я. П. Шишмарев не касался все годы пребывания в Монголии, хотя и наблюдал внимательно за подобного рода настроениями.

Торговля. Одной из основных задач, стоявших перед русским консулом в Монголии, было развитие русско-монгольской торговли. Русские товары были известны в Монголии, но купить их можно было только у китайских купцов, которых, по мнению Я. П. Шишмарева, в начале 60-х гг. XIX в. в Монголии было более 10 тысяч 23. Китайские купцы чувствовали себя свободно, уверенно, по-хозяйски: имели лавки, склады, помещения для жилья. Однако эти обстоятельства не испугали Шишмарева, он считал, что нет причин, которые могли бы препятствовать быстрому росту оборотов русско-монгольской торговли. По его мнению, русские для преодоления конкуренции китайских купцов должны больше торговать в улусах 24, особенно отдаленных, хорошо изучить потребности монгольского населения и стараться удовлетворять их, устраивать ярмарки в известных местах, особенно в сентябре-октябре, когда монголы, перед тем как откочевать на зимние стойбища, закупают товары впрок. Но особенно большие надежды он возлагал на развитие торговли по Амуру, где собирался торговать с американскими купцами 25. Сам по себе человек очень деятельный, как показывают документы, он к тому же был вдохновлен кипучей энергией Н. Н. Муравьева, его планами присоединения и освоения бассейна реки Амур. Поэтому и в Урге первые годы смотрел, в основном, на торговлю в этом [17] направлении. Он считал, что традиционные товары монгольского экспорта, а именно: сало, масло, шерсть, скот — в огромном количестве будут востребованы на необъятном рынке российского Дальнего Востока и могут выйти на рынки других государств. Для этого нужно, считал Шишмарев, как можно скорее открыть новые пути сообщения из Монголии на Амур. С этой целью в 1862 г. он отправил П. Роголева, собиравшегося навестить своих родственников в станице Абагайтуевской на Аргуни,

именно этим, новым путем, поручив собирать по дороге самые разные сведения: от природных условий до отношения монгольских властей к русским. А в 1863 г. направил по этому же пути небольшой торговый караван. Путь этот был признан долгим и неудобным, поэтому в 1864 г. уже сам Я. П. Шишмарев, по поручению Сибирского отдела Русского географического общества, проехал из Урги до Верхнеульхунского караула на реке Онон, отметив в отчете, что дорога удобная, гладкая, много воды и травы. По ней свободно могут ходить караваны с товаром на телегах. В этой поездке его сопровождал топограф Доржигаров, который и составил одну из первых карт Восточной Монголии, сделанных профессионалом 26. Кроме того, в числе нескольких скромных экспедиций, предпринятых консульством для ознакомления с Монголией, была одна и в район озера Далай, что находится в непосредственной близости от Забайкалья. В ходе поездки район озера изучался как рынок сбыта русских товаров, были переданы письма местным ванам 27 и проведены переговоры с ними об устранении препятствий для русской торговли в этом районе Монголии, ибо это было выгодно самим монголам. И ваны, и простые монголы живо откликнулись на предложение русских, ваны послали ответные письма, но этим все и закончилось 28. Если же русские селились на территории Восточной Монголии, сеяли хлеб, строили дома, приходили солдаты, все уничтожали, а жителей отправляли в Россию. Скорее всего, это было связано с тем, что в конце XIX — начале XX в. маньчжурское правительство Китая проводило политику усиленной колонизации земель Восточной Монголии, находящихся в непосредственной близости к Маньчжурии, родине династии Цин. Чтобы скрыть принудительный характер этого процесса, непопулярного в монгольском народе, было высказано пожелание цинского правительства о приобщении монголов к земледелию с целью расширения источников их существования 29. И русские могли быть просто помехой в деле колонизации. Поэтому дальше торговли на границе дело здесь не пошло, несмотря на все старания Я. П. Шишмарева. [18]

Трудности с организацией торговли русских в Монголии возникали и в других регионах. Одной из причин этого явления было то, что Пекинский договор, разрешивший торговлю по всей границе, в Урге, не конкретизировал ее условия: не оговаривались правила торговли, тарифы и т. д. С этой целью 20 февраля 1862 г. в Пекине уполномоченным русского правительства министром-резидентом Л. Ф. Баллюзеком и представителем маньчжурского правительства князем Гуном были подписаны Правила сухопутной торговли между Россией и Китаем, два первых пункта которых уточняли условия русско-монгольской торговли: беспошлинная торговля по всей границе на расстоянии 100 китайских ли 30 в ту и другую сторону; беспошлинная торговля русских купцов «во всей подчиненной Китаю Монголии и по всем аймакам, где есть китайское управление и где его нет». Для этого купцам необходимо иметь свидетельство от пограничного начальства на русском, китайском и монгольском языках с указанием имени купца, количества и качества товаров и т. д. Контроль за соблюдением правил возлагался на русского консула в Монголии. Правила устанавливались, в виде опыта, на три года. А действовали семь лет и в 1869 г. были подтверждены в Пекине без всяких изменений для Монголии и с незначительными изменениями для торговли с Китаем. Срок действия определялся в пять лет 31. Но еще в 1868 г. заведующий пограничными монгольскими караулами князь Цырендондаг и дзаргучей кяхтинского Маймайчэна поставили перед кяхтинским пограничным комиссаром Е. В. Пфаффиусом вопрос о том, что русские незаконно переходят границу без билетов и практику эту надо прекратить. Началась многолетняя тяжба, продолжавшаяся и после утверждения правил 1869 г., в благополучном исходе которой большая заслуга принадлежит Я. П. Шишмареву.

Пользуясь правом свободной торговли в 50-верстной полосе, приграничное население перемещалось через границу по мере надобности: русские шли в Монголию за сеном, рыбой, везли хлеб; в свою очередь, китайцы и монголы шли в русские населенные

пункты, чтобы приобрести необходимые товары поближе, не выезжая в Кяхту, Ургу и т. д. Если же говорить о злоупотреблениях, то чаще приходилось обижаться русскому приграничному населению, т. к. были случаи конокрадства, угона скота в Монголию и т. д. Что касается поездок во внутренние районы, то нарушения, опять же, были обоюдными: в свидетельствах, выдаваемых русским пограничным начальством, фамилии русских купцов (в монгольском и китайском вариантах) искажались до такой степени, что понять их было [19] невозможно, и купцов приходилось возвращать. С другой стороны, монголам свидетельства на русском языке вообще не выдавались, т. к. никто из монгольских чиновников не только писать, но и говорить по-русски не умел 32. Русские мясоторговцы, направляясь за скотом в Монголию, переходили границу где положено, чаще всего в Кяхте, Мондах и т. д., а возвращаясь, шли там, где было больше корма, чтобы сохранить скот. Все эти обстоятельства едва ли можно отнести к серьезным нарушениям существующих правил. Поэтому возникновение в 1868 г. вопроса о нарушениях границы русский посланник в Пекине А. Е. Влангали, сменивший Л. Ф. Баллюзeka и подписавший Правила 1869 г., объяснял тем, что в Ургу прибыл новый маньчжурский амбань, решивший «сделать неожиданно что-нибудь приятное» пекинскому правительству 33. Придирчивое отношение к русским было, по его мнению, наилучшим выражением преданности и верности. Старый, проверенный, как уже отмечалось, способ выслужиться.

Продолжая настаивать на своем, ургинские правители в сентябре 1869 г. предложили определить время и место встречи на границе чиновников той и другой стороны для определения пунктов по переходу границы. Я. П. Шишмарев, с одной стороны, считал, что Россия заинтересована в наведении порядка, учитывая те негативные явления, о которых упоминалось выше, с другой стороны, он не видел необходимости в командировании на границу комиссий и предлагал решить все вопросы в Урге. А. Е. Влангали, в свою очередь, был убежден в том, что нельзя просто так поддаваться давлению и идти на уступки и предлагал в ответ потребовать от китайской стороны открытия Калгана для свободной торговли русских купцов 34. В дело включились губернатор Забайкальской области, Иркутская городская дума, заинтересованные лица в Енисейской губернии. В результате выяснилось, что в Монголию русские идут через 11 караулов, а возвращаются через семь, по крайней мере, столько караулов было известно. Обсуждение этого вопроса продолжалось до 1874 г., когда истек срок действия Правил 1869 г. и ургинские правители поставили вопрос об их пересмотре. Все эти годы русский консул в Монголии находился в постоянной переписке с посланником в Пекине, генерал-губернатором Восточной Сибири, с ургинскими правителями, которые непосредственные контакты теперь предпочитали обмену письмами. После изучения всех поступающих к нему материалов он предложил ограничиться пятью пунктами на границе Восточной Сибири и Монголии и одним — на границе Западной Сибири. Запротестовали купцы, крестьяне, [20] казаки Енисейской губернии, имевшие ранее четыре переходных пункта и просившие все их оставить, мотивируя это не только своей выгодой, но и выгодой улясутайских правителей. Нерчинские купцы активно отстаивали свои интересы и настаивали на открытии новых переходов на границе для торговли в Монголии. Учитывая все это, Я. П. Шишмарев стал просить десять пунктов для перехода границы. Окончательно вопрос был решен только в 1875 г., когда было утверждено 22 пункта: Кяхта, 12 пунктов на восток от нее и девять — на запад. Это было больше, чем до постановки вопроса. И китайские чиновники ограничились беглым осмотром их, без работы комиссий 35. Данный пример показывает надуманность проблемы китайской стороной. А сколько времени, моральных и физических усилий пришлось затратить Шишмареву, сколько терпения и выдержки он проявил, решая этот вопрос?!

Много сил и внимания со стороны русского консула в Монголии требовал транзит чая из Калгана в Кяхту. Доставкой его занимались монголы, кто добровольно, кого заставляли

это делать. Перевозчики чая брали до 1,5 тыс. ящиков, но лично сопровождали 100 — 200, отправляя все остальное разными дорогами, иногда оставляя часть ящиков за неимением транспортных средств в достаточном количестве в Гоби, где чай терялся, его грабили и т. п. , в результате этого транспортировка чая задерживалась на два — три месяца. Все это вызывало недовольство кяхтинских чаоторговцев. Жаловались они опять же в консульство в Урге. В 1870 г. , например, поступило 25 исков. Дело осложнялось еще и тем, что среди перевозчиков чая были не только монголы, подданные ургинских правителей, с которыми можно было решать вопросы на месте, но и монголы — подданные калганского губернатора, тогда приходилось разбираться с помощью переписки, где «китайцы — известные специалисты по проволочке всякого дела» 36. Я. П. Шишмарев сумел со временем установить с калганским губернатором добрые отношения и, кроме того, предлагал иметь в Калгане агента Ургинского консульства для наблюдения за транспортировкой чая с возложением этих обязанностей на заведующего русской почтовой конторой в Калгане. Все эти вопросы были подробно изложены в Записке А. Д. Кормазова, секретаря консульства, с приложением карты дорог Монголии, по которым перевозили чай, и обозначением пунктов, где, по его мнению, также нужны были наблюдатели за транспортировкой чая. Записка вместе с годовым отчетом была направлена в Азиатский департамент МИДа России и генерал-губернатору Восточной Сибири 37. Шло время, но правительство молчало. И [21] только в 1886 г. , опять же по инициативе консульства, в Гоби было создано русское агентство для наблюдения за транспортировкой чая, правильным и безостановочным движением русских караванов, средства на содержание которого взимались с русских чаоторговцев. Брали по одной копейке с ящика, а набегали суммы, которых хватало и на содержание агентства, и на улучшение путей сообщения по Монголии: строились мосты через реки, устанавливались паромные переправы и т. д.

В условиях бездорожья, почти полного отсутствия связи Я. П. Шишмарев стремился навести элементарный порядок в русско-монгольской торговле. В этом ему помогали торговые старшины, которых он обязал подавать ежегодные сведения о ходе торговли. На основании этих сведений он составлял ежегодные отчеты на имя генерал-губернатора Восточной Сибири и в Азиатский департамент МИДа. Кроме цифровых данных о ходе русско-монгольской торговли, Яков Парфеньевич сообщал сведения о положении дел в Монголии (состояние экономики, мероприятия китайского правительства по управлению страной), взаимоотношениях с властями, отношениях между монголами, русскими и китайцами, что позволяло МИДу и генерал-губернатору хорошо ориентироваться в ситуации, реагировать на ее изменения. Когда в 1884 г. Шишмарев был в очередном отпуске и из Урги отчета не поступило, генерал-губернатор Восточной Сибири граф А. П. Игнатьев сразу же почувствовал недостаток информации и после возвращения Якова Парфеньевича настоятельно просил его возобновить подготовку ежегодных отчетов 38. Для современных историков отчеты русского консула в Урге — уникальный исторический источник не только по истории русско-монгольских отношений, но и по истории, экономике, административному устройству, положению Монголии в рамках Китайской империи. В полном объеме они не использованы до сих пор ни одним исследователем. Наблюдая за динамикой русско-монгольской торговли, он вносил предложения по ее реорганизации, росту товарооборота. Яков Парфеньевич постоянно отстаивал интересы русской торговли в Монголии перед маньчжурскими чиновниками и китайскими купцами. Благодаря его неустанным заботам русско-монгольская торговля выросла с 218 168 руб. в 1861 г. до 1 642 468 руб. в 1885 г. 39 Не случайно его деятельность на этом поприще была высоко оценена русскими путешественниками. Г. Н. Потанин, П. К. Козлов считали, что «главная заслуга Я. П. Шишмарева перед Россией заключается в его служении интересам русской торговли в Монголии, оберегать которые ему [22] суждено было в течение столь многих лет» 40. Были, конечно, и другие мнения.

Профессора Томского университета М. И. Боголепов и М. Н. Соболев считали, что «русские консульства. . . вряд ли могут быть полезны русской внешней торговле», тем более в Монголии, где консул «должен был охватить своими действиями и влиянием колоссальный район», поэтому, пишут они, «русско-монгольская торговля, можно смело сказать, развивалась без консульского надзора» 41. Конечно, решить все проблемы русско-монгольской торговли одному человеку было не под силу, но и не видеть поистине титанических усилий консула в этом деле было бы несправедливо. Видимо, краткосрочное пребывание в Монголии не позволило им увидеть и оценить все, что сделал Я. П. Шишмарев для русско-монгольской торговли.

Не оставались без внимания русского консула в Монголии и интересы русско-китайской торговли, прежде всего непосредственная торговля русских купцов во внутренних районах Китая. Будучи сторонником ее сохранения и расширения, Я. П. Шишмарев поддерживал в этом плане любую инициативу, будь то организация экспедиции нерчинских купцов братьев Бутиных с целью изучения нового торгового пути в Китай через Восточную Монголию или попытка Т. С. Морозова торговать в китайских городах. Подготовка Т. С. Морозовым экспедиции в Китай столкнулась с проблемой поиска караванного старшины, который знал бы китайский язык, условия торговли в Китае, умел бы ладить с китайскими властями, поведение которых в отношении русских было чаще всего непредсказуемым. В поисках проводника Т. С. Морозов обращался и к Я. П. Шишмареву, который порекомендовал А. Д. Васенева, бийского купца, кандидатура последнего была поддержана и купцами: «более благополучных, знающих дело и разговор, не предвидится» 42. В течение 1887 — 1888 гг. , пока А. Д. Васенев находился в Китае, они регулярно переписывались с Шишмаревым. Консул не ограничивался личными письмами, но и пересылал А. Д. Васеневу письма родных, Т. С. Морозова, газеты и получал не только слова благодарности, но и подробные сведения о пути следования каравана, провозной плате, китайском рынке, ходе торговли, отношениях с китайскими властями и т. д. 43 Эти сведения позволяли Шишмареву быть в курсе проблем русско-китайской торговли, использовать опыт А. Д. Васенева в отношениях с властями, формулировать задачи и предлагать средства их решения в русско-монгольской торговле. [23]

Русские и монголы. Взаимоотношения местного населения с русскими купцами также не всегда были безоблачными. Особенно это касается районов Западной Монголии. Здешнее население жило зажиточно, процветало скотоводство, край изобилдовал пушниной, некоторые занимались хлебопашеством. Русских встретили недружелюбно. Часто они сами давали повод, самовольно захватывая земли, дерзко обращаясь с местными жителями, обманывая в расчетах, покупая краденый скот и отказываясь вернуть его хозяину, даже если он доказывал свое право на него. А за свой украденный скот они забирали такое же количество у первого встречного монгола. Местные жители отвечали тем, что грабили русские караваны.

В начале 1868 г. Я. П. Шишмарев приходит к выводу о необходимости поездки в Улясутай для личного знакомства с цзяньцзюнем 44, ознакомления с краем, который ему был неизвестен, и прекращения возникающих недоразумений в отношениях между русскими и местным населением. Придавая большое значение этой поездке, Шишмарев заручился поддержкой как генерал-губернатора Восточной Сибири, так и посланника в Пекине. Это было очень важно, т. к. китайские чиновники считали личные встречи консула и цзяньцзюня невозможными из-за разницы их положения в Табели о рангах: звание цзяньцзюня, по их мнению, выше звания консула, а потому ему не пристало принимать представителя русского правительства, более низкого рангом. Они предложили цзяньцзюню назначить для переговоров специального чиновника.

Вмешательство А. Е. Влангали привело к тому, что китайская сторона пошла на уступки, разрешив, вследствие давней дружбы между Россией и Китаем, сделать одолжение русским для урегулирования особо важных вопросов, а все мелкие решать с пограничниками.

Поездка состоялась в июле — сентябре 1868 г. Первое время после прибытия Я. П. Шишмарева в Улясутай цзяньцзюнь уклонялся от личной встречи под предлогом болезни. На самом же деле все это время он заочно знакомился с русским консулом, наблюдал за его поведением, расспрашивал о нем всех, с кем Шишмарев встречался. Прекрасные отзывы, безукоризненное поведение консула привели к тому, что цзяньцзюнь первым посетил Я. П. Шишмарева, изъявил желание все переговоры вести лично и вообще оказал Якову Парфеньевичу самый радушный прием. В результате пребывания Я. П. Шишмарева в Улясутае все спорные дела были прекращены. В пользу хозяина разграбленного каравана была взыскана довольно большая денежная сумма со всего общества, что, по мнению Я. П. Шишмарева, было мерой не совсем справедливой, но [24] необходимой. Правда, выплата долга была рассрочена на три года. Цзяньцзюнь и консул договорились впредь не допускать подобных эксцессов, с этой целью улясутайский правитель дал обещание ознакомить население края и с текстом Пекинского договора, и с Правилами о торговле, чего не было сделано за шесть — семь лет существования этих документов 45. Незнание местными жителями правовых основ появления русских в крае также было одной из причин возникающих споров, грабежей и т. д. В 1878 г. местные жители еще раз открыто проявили враждебность к русским, отобрав у них скот, как незаконно приобретенный, проще говоря, краденый. Разбирательство длилось несколько лет и с трудом было завершено. Для расследования серьезных случаев на границе встречались представители маньчжурских властей из Улясутая и русских — из Иркутска. В 80-е гг. XIX в. такие съезды стали ежегодными, т. к. они были выгодны маньчжурским чиновникам, безбожно обиравшим население края за свое участие в решении спорных вопросов 46.

Не было особого взаимопонимания и на границе Кобдоского и Бийского округов, где тоже торговали еще до Пекинского договора, причем товары давали друг другу в долг. В первые годы после подписания трактата такая практика сохранялась. Однако многие не возвращали долги, поэтому возникло много спорных дел, разбираться с которыми пришлось в течение двух лет. Из должников-монголов кое-кто разъехался, некоторые умерли, часть обеднела или отдала товары опять-таки в долг своим же братьям, которые теперь не признавали их и отказывались платить. Ко всему прочему, иногда монголы называли на караулах не свои имена, а клички и найти их было невозможно. Русские торговцы — должники монголов, тоже за это время кто разорился, кто умер, поэтому и разбирались так долго 47. Справедливости ради надо отметить, что в отношениях между русскими и монголами Я. П. Шишмарев никогда безоглядно не поддерживал своих соотечественников. Если обстоятельства требовали этого, он очень жестко оценивал их поведение: «Русские хозяйничают в Монголии хуже, чем у себя дома. Такая беззастенчивость с их стороны вывела из терпения добродушных по природе монголов», — сообщал он в МИД 31 января 1883 г. и добивался прекращения произвола со стороны русских 48.

Изучение Монголии. Зависимая от маньчжурского Китая Монголия долгое время была закрыта для русских, поэтому они не знали ее, хотя и соседствовали на протяжении XVII — XIX вв. И Яков [25] Парфеньевич Шишмарев стал одним из первых, кто изучал страну, в том числе и в географическом отношении. В Сибирский отдел Русского географического общества он представил две составленные им карты: всей Монголии и Цэцэнханского аймака. Основанием для составления карты общих владений князей

Северной Монголии послужила карта американца Уильямса, лучшая из известных тогда карт Китайской империи. С нее были взяты несколько пунктов на территории Монголии в качестве постоянных точек, к которым и привязывались наносимые на карту Шишмарева места. Так, было уточнено место обитания дархат 49. В аймаке Цэцэн-хана ему было известно расположение стоянок всех князей, что позволило на карте разделить территорию аймака 50 на хошуны 51. Был исправлен исток реки Керулен, уточнен исток реки Селенги: на некоторых русских картах эта река вытекала из озера Косогол 52. Река, показываемая на многих русских картах вытекающей из озера Далай, на самом деле в него впадала 53. К сожалению, обнаружить эти карты не удалось. Вероятно, они погибли во время пожара 1879 г. Кроме того, он первым сообщил о существовании снежных вершин в Хангае и в Восточном, или Монгольском, Алтае. Путевые заметки Шишмарева о Керулуне долгое время были единственным источником для знакомства с этим районом Северной Монголии. Его заслуги в области изучения географии этой страны признавали даже профессиональные путешественники 54.

Интересовала его и история Монголии, отраженная в песнях, легендах, неоднократно слышанных от монголов. Чаще всего в них воспевалось далекое, но великое прошлое страны, могущественная империя Чингисхана, наполненная драматизмом борьба между халхаскими и ойратскими князьями 55.

В 1688 г. ойратский князь Галдан-хан решил поддержать своего родственника Дзасакту-хана в его давнишнем споре с Тушету-ханом из-за невозвращенных пленных подданных. Однако в сражении с Тушету-ханом ойраты потерпели поражение. Разгневанный таким ходом событий Галдан-хан направил 30-тысячную армию на Халху. В легенде, слышанной Я. П. Шишмаревым, говорится, что войско олютов шло по направлению к кумирне Эрдэни-Дзу, что на левом берегу реки Орхон, уничтожая на своем пути все монгольское население. В это время в кумирне 56 стоял бурхан 57 Гомбо-гуру, существовавший, по словам Шишмарева, и в середине XIX в. Когда олюты приблизились к кумирне, говорится в легенде, каменная собака, стоявшая у ее ворот, залаяла, а когда воины олютов, войдя в кумирню, пытались пиками вытащить большой рубин, [26] закрепленный у Гомбо-гуру во лбу, то «он зашевелился и поднял находившийся у него в руках меч. Войско в испуге пришло в смятение, и солдаты начали бить друг друга; вслед за тем поднялась вода в реке Орхон и затопила большую часть войска; остались немногие, но и те были истреблены или взяты в плен халхасцами и высланными им на помощь войсками богдыхана 58». В легенде говорится о том, что маньчжурский император «положил реке Орхон жалованье в 300 лян. И серебро это до сих пор ежегодно бросается в реку» 59. Пленные же олюты были расселены по рекам Селенге, Орхону и т. д.

В этой легенде отражены события многих лет. Войны ойратов с Халхой продолжались длительное время и шли с переменным успехом. Монастырь Эрдэни-Дзу действительно был взят ойратами в 1688 г. И сражение на реке Орхон сыграло свою роль в подчинении Халхи маньчжурам: оно стало одной из его причин. Халхаские феодалы, напуганные поражением, стали более сговорчивыми. Так что было за что маньчжурскому императору платить жалованье этой реке. Военная же помощь Цинов, пленение ойратов — это события более позднего времени 60.

Глубокий след в сознании монголов оставила попытка всех князей Халхи свергнуть маньчжурское господство и поставить во главе Монголии Цынгуджан-вана, известного в народе под именем Шадар-вана. Я. П. Шишмарев в своих статьях дважды обращался к этому сюжету. Правда, время выступления Шадар-вана он относит к 1812 г. 61 Это ошибка. Попытка восстания под руководством Шадар-вана была предпринята в 1755 г. Успеху выступления помешало предательство одного из участников заговора. Шадар-ван

был казнен в Пекине мучительной смертью, а вместе с ним и его два сына. Одна из немногих попыток выступления монголов против маньчжурского господства бережно хранится в памяти монгольского народа. Об этом можно судить и по количеству легенд. Только на территории Северо-Западной Монголии Г. Н. Потанин записал в 1879 г. 15 вариантов 62.

Довольно подробно Я. П. Шишмарев описал систему управления Монголии маньчжурами и ее административное устройство. Самой большой административной единицей страны был аймак. Всего их было четыре. Два восточных аймака (Тушету и Цэцэн) имели центр управления в Урге, а два западных (Дзасакту и Сайн-ноён) — в Улясутае. Во главе первых двух стояли два амбаня — маньчжур и монгол, управление двух западных находилось в руках цзяньцзюня, при котором по гражданской части состояли в виде [27] советников опять же два амбаня. Улясутайский цзяньцзюнь ведал и гражданской, и военной стороной, причем последней — во всей Халхе.

Второй по величине административной единицей был хошун. По данным Я. П. Шишмарева, в состав Тушетуханского аймака входило 20 хошунов, Цэцэнханского — 23, Дзасактуханского — 19, Сайн-ноёнского — 24, всего — 86. Число хошунов в Монголии было различным. После завоевания ее маньчжурами их было утверждено 34, а последующая политика дробления хошунов привела к тому, что в 1765 г. на территории Халхи их стало 86. В этом дроблении Я. П. Шишмарев усматривал политику экономического ослабления страны: «От такого дробления — бедность населения в хошунах. Например, около Урги находится хошун Гундаши-дорчжи, в котором насчитывается не более 40 юрт и 200 душ мужского пола. А что могут дать эти 40 кибиток?» 63 Одну из своих статей Я. П. Шишмарев посвятил ургинскому хутухте Ундургэгэну 64, с именем которого связано распространение ламаизма в Монголии в XVII в. Во-первых, он перевел большое количество священных книг с санскрита и тибетского языков на монгольский, а во-вторых, изобрел особую азбуку, состоявшую из 97 букв, для того, чтобы легче передавать имена собственные и непереводаемые слова. Кроме того, составил правила религиозных обрядов, которыми в Монголии руководствовались и в XIX в. в делах как религиозных, так и нравственных 65. Однако некоторые стороны жизни и деятельности ламаистского духовенства вызывали у Шишмарева негативное отношение. Так, например, он считал, что ламаизм влияет на сокращение населения страны. Одной из причин этого процесса он считал обет безбрачия, который давали посвящаемые в ламы.

Этнический вопрос также нашел свое отражение в научной деятельности Я. П. Шишмарева. Ведь под общим названием «монголы» на территории от Великой китайской стены на юге до границ с Россией на севере и от маньчжурского воеводства на востоке до границ Восточного Туркестана на западе проживали различные племенные группы. В частности, в западных районах Монголии XIX в. проживали дархаты, или урянхи, которых называли еще и сойотами. В начале своей деятельности он считал, что это две разные группы населения. А в 1871 г. Шишмарев опубликовал статью, из которой следует, что это представители одной племенной группы, адар- 'хатами их стали называть после подавления выступления Шадар-вана за услуги, которые они оказали маньчжурскому дому в разгроме мятежного вана. В этой же статье он описал их одежду, обычаи, повинности, управление, придя к выводу, что они похожи на [28] забайкальских бурят 66. Вопрос о дархатах-урянхах оставался спорным и в начале XX в., хотя авторы и признавали, что Шишмарев дал наиболее полное описание их 67.

Говоря о численности населения Монголии, он называл цифру по Халхе в 500 тыс. человек. Вероятно, это соответствовало действительности, но обращал внимание на неравномерное распределение населения страны по хошунам. Были хошуны, где

проживало до 30 тыс. человек, но были и такие, что насчитывали, как уже отмечалось, всего 200 человек 68.

Особое значение Я. П. Шишмарев придавал народным праздникам Монголии. В первую очередь потому, что в Ургу на праздники съезжались все князья страны и можно было, пользуясь моментом, знакомиться с ними, говорить о делах, торговле, политике России в отношении Монголии. А потом уже наслаждаться играми, скачками, борьбой. Не удивительно поэтому, что одна из первых статей Я. П. Шишмарева так и называется — «Народный праздник в Монголии на лам долон-хошуний или праздник семи родов». Она была опубликована в 1863 г. в газете «Северная пчела», а отдельный оттиск ее бережно хранится в библиотеке Иркутского краеведческого музея. Это был главный праздник Монголии. Проводился он раз в три года в честь хутухты. Праздник отличался большой роскошью. Борцов, стрелков из лука (конных и пеших) собиралось до 4 тыс., скаковых лошадей — до 2 тыс. Ханы старались перещеголять друг друга скакунами, стрелками, борцами. Не только князья и ламы, но каждый зажиточный монгол считал делом чести побывать на празднике. Урга оживлялась, становилась многолюдной, население ее возрастало до 200 тыс. человек (в обычные годы население Халхи, по данным того же Шишмарева, не превышало 10 тыс. чел.). Вся долина на протяжении 10 — 12 верст вокруг столицы покрывалась белыми и цветными юртами и палатками, что необыкновенно радовало глаз и создавало праздничное настроение 69.

Есть в статьях Я. П. Шишмарева сведения о выборе невесты, о свадьбах. Женились монголы рано, лет шестнадцати. Допускалось многоженство, с течением времени стали распространяться и левиратные браки. При первом браке невесту сыну выбирали родители. Сватовство продолжалось долго — год-два, а то и пять лет; чем знатнее и богаче была семья, тем дольше оно затягивалось. Бывало и так, что невесту ребенку определяли еще при его рождении.

Маньчжурское влияние, писал Я. П. Шишмарев, сказывалось даже на одежде монголов. Все население Халхи носило халаты маньчжурского покроя с воротником; на ногах — сапоги из коровьей [29] кожи с толстыми подошвами и войлочные чулки. Сапоги и по форме, и по производству — китайские, шились, в основном, в мастерских Калгана из монгольской кожи, обработанной в России, все на один размер и фасон, что для мужчин, то и для женщин. Костюм женщины отличался от мужского отсутствием пояса у халата, разноцветными рукавами. На голове женщины носили украшения из кораллов, серебра и русских серебряных монет. Одежда девушек не отличалась от женской ничем, кроме цвета. Незамужние монголки предпочитали пунцовый и голубой цвета 70.

Принято считать, что монголы питались прежде всего мясом. Оказывается, летом основным продуктом питания монгола было молоко и изделия из него. Рыбу, которой в реках и озерах Монголии было великое множество, монголы вообще не употребляли в пищу, презрительно называя ее «водяным червяком». Очень много монголы пили чая, особенно любили заваривать кирпичный чай, который первыми стали производить опять же русские на своих чайных фабриках в Китае.

Я. П. Шишмарев считал монголов народом кротким, но хитроватым. Он подметил также, что поведение их зависит от присутствия маньчжур. Если они рядом, монголы вялы и молчаливы, если их нет, они весьма общительны и разговорчивы 71.

Две-три статьи Шишмарева были посвящены вопросам русско-монгольской торговли. Они были написаны в самом начале его деятельности и представляли собой копии отчетов в Азиатский департамент МИДа и генерал-губернатору Восточной Сибири.

Опубликованы они не были, но в Отчетах Сибирского отдела РГО кратко было изложено их содержание. За долгое время работы автора статьи по проблемам русско-китайских и русско-монгольских отношений встречалось и название «Записка Д. с. с. Шишмарева. 28 февраля 1886 г. о русско-китайской торговле», но найти какие-либо исходные данные или ссылки на ее содержание так и не удалось. Всего, по нашим подсчетам, Я. П. Шишмарев написал девять статей. Почти все его опубликованные статьи появились на страницах изданий СОРГО, с которым он тесно сотрудничал, и его заслуги были Отделом высоко оценены: в 1863 г. он стал действительным членом Сибирского отдела, а в 1865 г. был награжден серебряной медалью 72.

Конечно, некоторые его предложения о развитии торговли были неосуществимы, представления иногда наивны, а приводимые факты ошибочны, но его статьи внесли существенный вклад в ознакомление не только сибирской, но и российской общественности с [30] нашей ближайшей соседкой — Монголией. Для историков они стали прекрасным источником. А недостатки свои он и сам со временем увидел и в конце своей жизни написал о Монголии целую книгу, которая, к великому сожалению, так и не вышла, т. к. в 1938 г. она была уничтожена родственниками, боявшимися, как и многие тогда, вероятного обвинения в связях с какой-нибудь разведкой 73.

Монголию Я. П. Шишмарев знал, по выражению Д. А. Клеменца, «как мы улицы своего города». Яков Парфеньевич любил эту страну, с большим сочувствием относился к ее положению в рамках Китайской империи. В одном из своих отчетов (за 1885 г.) он с грустью констатирует, что «Халха, да и вся Монголия, обеднела: бескормица в течение нескольких лет, холодные зимы, падеж скота. И раньше так бывало, но восстанавливалось благополучие, как только миновали невзгоды» 74. Теперь же причиной углубляющегося экономического упадка он считает возрастающую эксплуатацию страны с введением все новых и новых налогов верблюдами, лошадьми, скотом, серебром. Другой причиной упадка он называет все увеличивающиеся расходы на содержание маньчжурской администрации в Монголии, которое определялось количеством голов скота, но чиновники требовали платить деньгами, что приводило к еще большим расходам со стороны монголов. По его подсчетам, содержание одного амбана обходилось до 40 тыс. в пересчете на русские рубли (а правительство Китая платило им по 1 200 руб. в год). Пропорционально этому получали и остальные маньчжурские чиновники. Понятно, что такой порядок начинал вызывать ропот среди населения Монголии 75.

Я. П. Шишмарев не только сам изучал Монголию, он помогал всем, кто занимался изучением Центральной Азии в целом и этой страны в частности. Через русское консульство в Монголии прошли все большие и малые экспедиции. В 1870 г. Я. П. Шишмарев познакомился с Н. М. Пржевальским. В дальнейшем знакомство переросло в дружбу, о чем свидетельствует их переписка, переданная впоследствии Шишмаревым другому выдающемуся путешественнику, ученику и соратнику Пржевальского, П. К. Козлову, с которым Якова Парфеньевича также связывала многолетняя дружба. Где сейчас находятся эти письма, установить, пока не удалось. Были знакомы с Шишмаревым, пользовались его помощью и поддержкой, переписывались с ним Г. Н. Потанин и А. М. Позднеев, В. А. Обручев и Д. А. Клеменц и многие другие путешественники. Все они, как уже отмечалось и как еще будет отмечено ниже, высоко оценивали его деловые и человеческие качества. [31]

Проблема переводчиков, школы, церковь, здравоохранение. Появление русских в Монголии остро поставило проблему языкового барьера, Нельзя сказать, что монгольского языка вообще никто не знал: разговорный язык понимали нерчинские и приаргунские казаки; в Урге, Кяхте, Троицкосавске, в Западной Монголии тоже были

свои знатоки. В Бийске, например, куда на зиму съезжалось большое количество местных купцов, разговоры в обществе порой велись на монгольском языке. Письменной же речью владели немногие. Монголы, общаясь с русскими, тоже осваивали разговорный язык, но здесь случались и курьезы — некоторые купцы из озорства учили их русскому мату. Накопленных знаний в языке было недостаточно для успешного общения при все расширяющихся контактах между русскими и монголами. Острую необходимость в переводчиках ощутил еще первый консул К. Н. Боборыкин. Ежедневно надо было решать текущие вопросы, общаться с чиновниками, отвечать на жалобы или выслушивать просьбы. Я. П. Шишмареву, знавшему кроме китайского маньчжурский и монгольский языки, все же было трудно нести эту нагрузку: кроме функций переводчика, он исполнял еще и обязанности секретаря консульства. В 1861 г. в Ургу был направлен Найдан Гомбоев из Селенгинска, который сам попросился туда в письме на имя генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Карсакова: «Зная хорошо монгольский язык как в разговорном, так и в книжном отношении, имею честь обратиться с просьбой прикомандировать меня в Ургу при консульстве. Сверх этого имело сильное желание изучить маньчжурский язык, так необходимый в настоящее время, и быть полезным краю» 76. В Урге Н. Гомбоев пробыл до января 1864 г. , когда был переведен на Амур, где потребность в переводчиках ощущалась не менее остро. Недостаток переводчиков ощущала и администрация Восточной Сибири, официальные и неофициальные связи которой с Монголией постоянно расширялись. В связи с этим генерал-губернатор М. С. Карсаков направил запрос в подчиненное ему Ургинское консульство о возможности подготовки хотя бы нескольких переводчиков. В ответ Я. П. Шишмарев представил целый доклад, в котором обосновал положительное решение этого вопроса возможностью найти учителей из местных монгольских и маньчжурских чиновников, которые преподавали бы устно и письменно языки, а ученики имели бы обширную практику, принимая участие в работе консульства. Кроме того, в докладе определялись и расходы как на содержание учеников, так и на оплату учителей, приобретение книг и т. д. 77 М. С. Карсаков одобрил доклад Шишмарева и в 1864 г. направил в [32] Ургу первых четырех учеников. Так было положено начало школе переводчиков и толмачей в Урге, которая просуществовала 56 лет. Надо отметить, что ургинские правители разделяли взгляды консула о пользе подготовки переводчиков, поэтому сразу же выделили двух чиновников в качестве учителей. Что же касается официального Петербурга, то только в 1884 г. , после многочисленных обращений Шишмарева и генерал-губернатора Восточной Сибири, школа была признана и принята на бюджет государственного казначейства.

Я. П. Шишмарев уделял школе много внимания. Он руководил работой инспектора и учителей, составлял для них инструкции, привлекал учащихся к работе в консульстве. Несмотря на мизерность средств, отпускаемых на содержание школы, несовершенство преподавания, отсутствие учебной литературы, многие ее ученики практически свободно владели маньчжурским языком и были хорошими переводчиками. За годы своего существования школа подготовила не менее 100 переводчиков 78.

В дальнейшем, в связи с ростом русской колонии в Урге, Я. П. Шишмарев основал школу для русских детей, где насчитывалось до 20 учеников и учениц. Русский консул пытался привлечь в школы и монгольских детей, особенно влиятельных монголов. Предлагал он и ургинским амбаниям направлять мальчиков в школу переводчиков. Многие проекты ее реорганизации он связывал с возможностью обучения монголов. Пытался воздействовать на ургинских правителей с целью создания в Урге специальной школы для монгольских мальчиков, в чем получил поддержку Ли Хунчжана, одного из самых видных политических деятелей Китая того времени, но амбани ничего не сделали в этом плане 79.

Ежегодно увеличивающееся число русских, посещающих Ургу, и появление желающих жить там навели Якова Парфеньевича на мысль о необходимости строительства православной церкви. Кяхтинское купечество, к которому он обратился за спонсорской помощью, откликнулось и согласилось собрать нужную сумму. Уже в 1863 г. Я. П. Шишмарев, действуя как всегда быстро и настойчиво, выбрал место и хотел заложить фундамент. Однако посланник в Пекине и генерал-губернатор Восточной Сибири не разрешили начинать строительство, пока не собрана вся сумма. Пришлось смириться и ждать, когда будет дано разрешение. Это случилось только в 1871 г. В 1872 г. церковь начали строить, а закончилось строительство в 1875 г. 80 [33]

Еще одной большой заботой русского консула в Монголии были охрана здоровья сотрудников консульства и оказание элементарной медицинской помощи хотя бы населению Урги. Санитарно-гигиеническое состояние страны оставляло желать лучшего. В Монголии свирепствовали тиф, оспа, сифилис, глазные болезни. Одного фельдшера, входившего в состав консульства, было явно недостаточно. Нужен был врач. Я. П. Шишмарев многократно ставил вопрос о докторе перед правительством, но даже ответа не получал. И только в начале XX в. ситуация стала меняться. Участие России в подавлении восстания ихэтуаней в Китае, затем русско-японская война заставили направить в Ургу военные отряды, а с ними прибывали и доктора. Они лечили русских и монголов, маньчжурских чиновников и китайских солдат. Некоторые из них оставили глубокий след в сознании монгольского народа. Доктор Сережников был даже награжден китайским орденом «Двойного дракона» 81.

Строительство консульства и организация его жизни. Много сил и времени отнимали бытовые неурядицы. Именно на плечи Якова Парфеньевича легли заботы сначала о ремонте отведенного помещения, а затем и о постройке консульского дома.

Место для консульства было выбрано еще в 1860 г. Н. П. Игнатьевым. На собственном опыте убедившись в противоречивости поведения маньчжурских чиновников, он, возвращаясь из Пекина через Ургу, поспешил по горячим следам выбрать место для консульства, что было предусмотрено Пекинским договором и о чем маньчжурский представитель в Урге уже знал. После осмотра местности остановились на возвышенном участке почти на правом берегу реки Толы, примерно посередине от прежнего русского подворья и ургинского Маймайчэна 82. Проект дома с флигелями и службами, а также смету на их строительство составил П. Рогалев, который, в связи с отсутствием военных забот, усердно учился строительному делу.

В августе 1861 г. исполняющий должность генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-майор М. С. Карсаков обратился к министру иностранных дел с просьбой скорейшего выделения 20 тыс. руб. серебром на постройку дома и 2 500 руб. на его обстановку 83. Деньги были выделены, но поступали в консульство отдельными порциями, с промежутками во времени, что задерживало строительные работы, а это, в свою очередь, привело к тому, что денег не хватило. Причины, по которым отпущенных денег оказалось недостаточно, заключались в следующем: во-первых, это была первая [34] крупная стройка в Урге, поэтому трудно было рассчитать стоимость рабочей силы, материалов и т. д. ; во-вторых, подорожал чай, которым расплачивались со строителями; в-третьих, вместо запланированной деревянной крыши построили железную. А достроить консульство было крайне необходимо, т. к. «. . . это первое по своей величине и по употребленным строительным материалам здание во всей Монголии, так что оно производит на жителей немалое впечатление. Сказывают, что в первое время, когда работали крышу, то толпы монголов проводили целые дни перед консульством и не могли достаточно наглядеться на нее», — писал А. Е. Влангели 84. Чиновники в Петербурге

были недовольны тем, что в отпущенную сумму уложиться не удалось. Не понравилась им и излишняя, как они полагали, самостоятельность М. С. Карсакова, который решил использовать остаточные средства консульства для завершения строительства консульского дома. Поэтому на просьбу об ассигновании дополнительной суммы в 6 253 руб. они дали согласие только 22 октября 1865 г. и строительство завершилось к концу 1865 г. Автор проекта и главный строитель П. Рогалев заслужил высокую оценку от заведующего строительными делами Главного управления Восточной Сибири И. И. Шаца, командированного в Ургу для освидетельствования построек: «. . . все вообще здания (дом, флигели, казарма. — Н. Е.), забор возведены прочно с соблюдением правил строительного искусства и архитектуры и из материалов хорошего качества» 85, — писал он в своем отчете.

Большое внимание Я. П. Шишмарев уделял как внутреннему устройству дома, так и прилегающей территории, т. к. это имело немаловажное значение. В письме на имя генерал-губернатора Восточной Сибири он пишет: «На меня смотрят, как на представителя богатого государства. Мне приходится поддерживать знакомства и хорошие отношения с ургинскими правителями, со всеми халхаскими князьями, с приближенными хутухты и т. д. Для того чтобы относились с уважением и доверием, необходима, по возможности, приличная обстановка: в глазах монголов и китайцев это весьма важно» 86. Обставить прилично дом было не так-то просто, т. к. приходилось выпрашивать буквально каждый рубль, тем более что жалованье ему было определено в 3 500 руб. , в отличие от Боборыкина, получавшего 5 000 руб. серебром. Стараниями Я. П. Шишмарева русское консульство в Урге обустроивалось и со временем приняло вполне благополучный вид. П. А. Ровинский, этнограф, побывавший в 1871 г. в Урге, оставил следующее описание его: «Консульство — это большой двухэтажный дом с флигелями по углам [35] обширного двора, обнесенного стеною. Снаружи у стены на всех 4-х углах знакомые полосатые будочки для караула. Внутри двора позади дома разные службы: погребы, кладовые, конюшня, сушильня, баня, кузница и тут же забрела юрта, как гостья; перед домом — деревца, клумбы, расчищенные дорожки» 87. В суровых климатических условиях Якову Парфеньевичу стоило больших трудов развести вокруг дома хоть небольшой садик. Деревья и кусты даже местных пород никак не хотели приживаться. Приятное впечатление произвела на П. А. Ровинского и атмосфера, царившая в доме: «Через несколько минут вы здесь уже как старый знакомый, поселяетесь в просторной, жилой комнате, и живете, как дома, пользуясь истинно русским хлебосольством хозяев. Вы пользуетесь умной, образованной беседой хозяина и прелестной, очень любезной хозяйки, которая вдобавок угостит вас великолепной музыкой на рояле; тут же видны нежные детские личики с живыми глазками, любопытно уставленными на вас, — сразу попадаете в русское общество» 88.

Жизнь консульства была постоянно хорошо организована, что вводило некоторых его посетителей в сильное заблуждение как относительно русского влияния в Монголии, так и самой Урги. Так, французские путешественники, супруги Бурбулан, гостившие у Шишмарева незадолго до Ровинского, изобразили Ургу в своих газетных публикациях «утонувшей в зелени» и «украсили виноградной лозой с созревшими гроздьями». Выражая недовольство недобросовестностью иностранцев, путешествующих по Монголии, П. А. Ровинский не оставил без внимания и статью супругов Бурбулан, и книгу Пока, назвав ее «сочинением на заданную тему», избилующем, мягко выражаясь, недостоверными сведениями о Монголии 89.

Благополучие консульства как островка не только русской, но и европейской культуры в Монголии Я. П. Шишмарев поддерживал все годы. В 1901 г. П. К. Козлов,

возвращавшийся после двухлетнего путешествия по Монголии, дал описание приема, мало отличающегося от описания П. А. Ровинского, хотя между их посещениями лежало 30 лет жизни: «Не берусь описывать тех радостных чувств, которыми мы были переполнены, достигнув конца нашей трудной задачи, увидев родные лица, услышав родную речь. . . Чем-то сказочным повеяло на нас при виде европейских удобств, при виде теплых, удобных комнат, при виде сервированных столов. Наша внешность так сильно различилась и не подходила ко всему этому комфорту, что консул Я. П. Шишмарев не мог не подвести меня к зеркалу и показать мне меня же самого. Таким как вы теперь, — [36] говорил Я. П. Шишмарев, — некогда вступил в Ургу и ваш незабвенный учитель Н. М. Пржевальский, отдыхавший в этой большой комнате, которую я приготовил для вас!» 90

Достойно оценить усилия Я. П. Шишмарева по созданию описанных выше условий можно, только более подробно ознакомившись с материальным положением его семьи. В августе 1870 г. (за несколько месяцев до приезда П. А. Ровинского) он пишет генерал-губернатору о положении дел: «В Урге — огромная дороговизна, вызванная засушливым летом, что привело к падежу скота, а болезни убивают последний скот. Ожидаемая зима грозит еще большим возвышением цен. Получаемого мною содержания далеко не достаточно не только на приличную жизнь с семейством, но даже с большими лишениями. Как ни сокращаем расходы, лишая семью, но даже есть долг в 3 тыс. руб. , впервые в моей жизни. Падаю духом, как подумаю, что приходит время учить детей, а десятилетняя служба в Урге не позволила сохранить ни одного гроша» 91. Инфляция привела к тому, что жалованье в 3 500 руб. в 1870 г. равнялось 1 000 руб. в 1861 г. , когда он был секретарем консульства. Получается, что теперь, будучи консулом, владея тремя языками, он получал меньше, чем будучи секретарем. К тому же кяхтинское купечество отказалось платить пенсию, выхлопотанную ему еще Н. Н. Муравьевым, сославшись на отсутствие свидетельства начальства на право ее получения. Пришлось бороться за ее восстановление. В конце концов пенсию вернули, но стали платить кредитными билетами, а не серебром, что было невыгодно. Кроме того, прошение о пенсии нужно было подавать каждый год заранее, что приводило к волоките. Учитывая тяжелое материальное положение, Я. П. Шишмарев просил или прибавить жалованье, или дать другое место службы. Просьбу Шишмарева поддержал генерал-губернатор, который писал в Азиатский департамент: «Отлично усердная и полезная деятельность Шишмарева, выразившаяся развитием дружественных отношений с Монголией и постоянно успешным выполнением всех возложенных на него поручений по пограничным делам с Монголией, дает ему полное право на особенную награду» 92. В качестве таковой и восстановили пенсию, заслуженную еще амурской деятельностью, а не службой в Урге, да выделили пособие в 2000 руб. серебром. [37]

Семья. Женился Я. П. Шишмарев в 1864 г. Его жена, Мария Николаевна, уроженка Кяхты, жила с ним в Урге. В семье было шестеро детей: четыре сына и две дочери. Когда подошло время давать детям образование, семья переезжает в Санкт-Петербург, где проживает в большой, хорошей квартире. А Яков Парфеньевич живет и работает в Монголии. Раз в пять лет он получает годовой отпуск, который и проводит семьей. Шли годы, накапливалась усталость. В 1904 г. в Иркутске стали говорить о том, что Шишмарев оставляет службу 93. Но оставить ее пришлось только в 1911 г. , когда ему было уже 78 лет! В 1914 г. Шишмаревы праздновали золотую свадьбу. Вскоре Яков Парфеньевич простудился и заболел. Умер он в Санкт-Петербурге в 1915 г. , 18 января.

* * *

За годы своей службы в Монголии он стал первоклассным дипломатом, организатором, проявил себя как талантливый ученый. Он сделал все, что было в его силах, для развития

русско-монгольской торговли. Его заслуги в области развития русско-монгольских отношений были высоко оценены в Монголии. Ургинский хутухта подарил ему дачное местечко Сонгино под Ургой, а также чашу из сандалового дерева. Получение такого подарка иноверцем — чуть ли не единственный случай в истории монголо-буддийской духовной обрядности 94. Но, пожалуй, самое главное его достижение заключается в том, что именно благодаря его деятельности монголы сохранили доброе отношение к русским.

Публикуемый «Отчет о 25-летней деятельности Ургинского консульства» хранится в Государственном архиве Иркутской области (ф. 24). Это уникальный исторический источник, содержащий сведения по истории Монголии, русско-монгольским и китайско-монгольским отношениям, торговле, созданию русского консульства в Урге, о личности автора отчета. Публикация «Отчета» делает эти сведения доступными для широкого круга исследователей. Документ вводится в научный оборот впервые. Текст отчета печатается без каких-либо сокращений и исправлений, с сохранением стиля и манеры изложения автора, но в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Единственным изменением являются подстрочные пояснения автора, перенесенные в текст и заключенные в скобки. Географические названия и имена даются в [38] написании Я. П. Шишмарева. Книга снабжена комментариями и библиографией.

Автор выражает искреннюю благодарность научным редакторам — Елене Марковне Даревской и Юрию Васильевичу Кузьмину. Слова признательности за помощь в подготовке публикации хочется сказать работникам Зональной научной библиотеки, а также Галине Николаевне Михнюк и Михаилу Александровичу Новожилову.

Н. Е. Единархова

Текст воспроизведен по изданию: Русский консул в Монголии: Отчет Я. П. Шишмарёва о 25-летней деятельности Ургинского консульства. Иркутск. Оттиск. 2001

- © текст - Единархова Н. Е. 2001
- © сетевая версия - Thietmar. 2007
- © OCR - Войцеховский А. 2007
- © дизайн - Войтехович А. 2001
- © Оттиск. 2001

Комментарии

1. В литературе и источниках встречается различное написание отчества Шишмарева — Парфентьевич, Порфеньевич. Правильно — Яков Парфеньевич Шишмарев (Формулярный список о службе секретаря и драгомана Российского императорского консульства в Урге коллежского секретаря Шишмарева за 1863 г. АВПРИ. Ф. Департамента личного состава и хозяйственных дел, оп.749/1, д.873, 1861 — 1863, л.1 — 9).
2. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX вв. - Омск, 1994. - С. 118-119, 132-134 и др.
3. Там же.
4. Барсуков И. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский. — М., 1891. — Кн. I — II. — С. 171.
5. Там же. - С. 272.

6. Там же.
7. Материалы, относящиеся до пребывания в Китае Н. П. Игнатьева в 1859-60 годах. - СПб., 1895. - С. 102.
8. Амбань — наместник.
9. Барсуков И. Указ. соч. - С. 292-293.
10. Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. — М., 1947. — С. 32-34.
11. Даревская Е. М. Указ. соч. — С. 133.
12. ГАИО, ф. 24, оп. 11/д. 2, 20/9, л. 1-2.
13. Фамилия первого русского консула также пишется по-разному: Бабарькин, Бобарькин, Бобырькин. Правильно — Боборькин (Формулярный список полковника Боборькина. ГАИО, ф. 24. Об учреждении в Урге Российского императорского консульства, оп. 11/2, д. 20/9, л.208 — 219).
14. Там же. — Л. 215.
15. Там же. — Л. 5.
16. Дзаргучей — чиновник.
17. ГАИО, ф. 24, оп. 11/3, д. 121, л. 7.
18. Правильное написание фамилии генерал-губернатора Восточной Сибири — Карсаков (основание — личная роспись на многих документах в архивах).
19. ГАИО, ф. 24, оп.11/2, д. 20/9, лл. 280-281.
20. Там же, оп.11/3, д. 121, л. 15.
21. Хутухта (хутукта) — святой, божественный и т. д. Живое воплощение какого-либо известного и особо почитаемого божества из буддийского пантеона.
22. ГАИО, ф. 24, оп. 11/2, д. 20/9, л. 74-76.
23. Там же, оп. 7, д. 1298, л. 2.
24. Улус — большая племенная группа.
25. Там же.-Л. 3.
26. Шишмарев Я. П. Поездка от города Урги на реку Онон // Зап./СОРГО, кн. 8. - Иркутск, 1865. - С. 138-148; АВПРИ, ф. 292, оп. 732, д. 1, л. 17.
27. Ван — кит.: князь.

28. ГАИО, ф. 24, оп. 11/3, д. 121, л. 23.
29. Единархова Н. Е. КВЖД и китайская колонизация Монголии и Маньчжурии // Россия и Восток: взгляд из Сибири. — Иркутск, 1998. — Т. II. — С. 263.
30. Ли — китайская мера длины, равная приблизительно одной второй русской версты.
31. Сборник договоров России с Китаем. 1689-1881. — СПб., 1889. — С. 37-50.
32. ГАИО, ф. 24, оп. 11/2, д. 48, л. 1-4.
33. Там же. — Л. 8.
34. Там же. — Л. 33-34.
35. Там же. — Л. 257.
36. Там же, д. 68, л. 2 — 5.
37. Там же, оп. 7, д. 1356, к. 1844, л. 28-40.
38. Там же, оп. 11/3, д. 121, л. 7.
39. Там же, л. 146.
40. Козлов П. К. Указ. соч. — С. 39.
41. Боголепов М. И., Соболев М. Н. Очерки русско-монгольской торговли. — Томск, 1911. — С. 393-395.
42. Сибирский купец А. Д. Васенев. — Барнаул, 1994. — Ч. 1. Дневники. — С. 17.
43. Там же. — Ч. 2. Документы и письма. — С. 30, 32-37, 42-43 и др.
44. Цзяньцзюнь — военный губернатор.
45. ГАИО, ф. 24, оп. 11/1, д. 149, лл. 1-10, 22-24, 36-41.
46. Единархова Н. Е. Из истории пребывания русских в Монголии (до 1917 г.) // Диаспоры — 1999 — № 2-3. — С. 90.
47. Там же.
48. Цит. по: Даревская Е. М. Указ. соч. — С. 24.
49. Дархаты — часть урянхайцев.
50. Аймак — самая крупная административная единица Монголии.
51. Хошун — знамя, основная административная единица Монголии, входящая в аймак.
52. Косогол (Хубсугул) — озеро на севере Монголии.

53. Отчет о действиях СОРГО за 1864 г. — СПб., 1865. — С. 23-25.
54. Козлов П. К. Указ. соч. - С. 38-40.
55. Князья Северной (Халха) и Западной (Джунгария) Монголии.
56. Кумирня — монгольский храм.
57. Бурхан — изображение божества.
58. Богдыхан (богдохан) — великий хан, титул маньчжурского императора.
59. Шишмарев Я. П. Сведения о халхаских владениях // Изв. / СОРГО. — Иркутск, 1864. - Кн. 7, ч. 1. — С. 67-68.
60. Горохова Г. С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства. — М., 1980. — С. 21.
61. Шишмарев Я. П. Сведения о халхаских... — С. 72.
62. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия в 1879 г. по поручению РГО. — СПб., 1883. — Вып. IV: Материалы по этнографии. — С. 298 — 309.
63. Шишмарев Я. П. Сведения о халхаских... — С. 56 — 57.
64. Ундур-гэгэн — глава ламаистской церкви в Монголии в XVII в.
65. Отчет о действиях СОРГО за 1864 г. — С. 22.
66. Шишмарев Я. П. Сведения о дархатах-урянях ведомства ургинского хутухты // Изв. / СОРГО. — Иркутск, 1871. — Т. 2, № 3. — С. 38-43.
67. Котвич В. Предисловие к статье Б. В. Долбежева «Дархатский округ»; Долбежев Б. В. Дархатский округ // Тр. /Троицко-Кяхтинского отделение Приамурского отдела РГО. — СПб., 1911. — Т. XII, вып. 1, 2 и последний.
68. Шишмарев Я. П. Сведения о халхаских... — С. 68.
69. Северная пчела. — 1863. — №7; ГАИО, ф. 24, оп. 11/3, ед. хр. 119, л. 1-6.
70. Шишмарев Я. П. Сведения о халхаских... — С. 83 — 84.
71. Там же. — С. 78.
72. Отчет о действиях Сибирского отдела РГО за 1865 г. — СПб., 1865. — С. 64.
73. Даревская Е. М. Указ. соч. — С. 378.
74. ГАИО, ф. 24, оп. 11/3, д. 119, л. 6-8.

75. Там же.
76. Там же, оп. 11/2, д. 20, л. 52.
77. Даревская Е. М. Указ. соч. — С. 132.
78. Там же.-С. 142.
79. Там же.-С. 146-147.
80. ГАИО, ф. 24, оп. 11/2, д. 28, л. 17; д. 31, л. 1,6,58.
81. Даревская Е. М. Указ. соч. — С. 120-121.
82. Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент генерал-адъютантом Н. П. Игнатьевым о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 г. - СПб., 1895. — С. 309.
83. Гаращенко А. Н. История строительства русского консульства в Урге в 1861-1866 гг. // Сиб. архив. — 2000. — Вып. 2. — С. 34.
84. Там же. — С. 35.
85. Там же. — С. 37.
86. ГАИО, ф. 24, оп. 11/2, д. 67, л. 18.
87. Ровинский П. А. Мои странствования по Монголии // Вестн. Европы. — 1874. — Кн. 7. — С. 247.
88. Там же. - С. 248.
89. Там же. - С. 248, 254.
90. Козлов П. К. Монголия и Кам. — М., 1947. — С. 420.
91. ГАИО, ф. 24, оп. 11/2, д. 67, л. 19,21,25.
92. Там же.
93. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902 — 1914 гг. — Иркутск, 1994.-С. 37.
94. Даревская Е. М. Указ. соч. — С. 134.